

Андрей ПУЧКОВ

Сосновоборск

Андрей Викторович Пучков родился 24 июля 1963 года в посёлке Хаңдальск Абанского района Красноярского края. В 1980 году окончил Абанскую среднюю школу № 4. После демобилизации из Советской Армии служил в МВД на различных должностях. В 2006 году вышел в отставку. Стихи и проза публиковались в красноярских альманахах «Новый Енисейский литератор», «Енисейка». Дипломант «Нового Енисейского литератора» за 2019 год в номинации «Дебют года», дипломант альманаха за 2020 год в номинации «Проза».

ВЗВЕЙТЕСЬ КОСТРАМИ...

За окном, во дворе школы, посреди спортивного городка дрались мальчишки-первоклашки. Они с азартом, достойным лучшего применения, валтузили друг друга руками и ногами. Я с сожалением поморщился: жалко, что не слышно воплей, из-за этого упускается значительная часть зрелища!

Однако битве не суждено было перерасти в побоище. На ристалище заявила группа прекрасных дам в пионерских галстуках, и одна из них, понаблюдав за безобразной дуэлью, одним ударом портфеля эффектно повергла дуэлянтов на землю. Всё! Приплыли!

Но оказалось, что не всё. Девчонка, одолевшая вояк, вдруг заботливо отряхнула их от пыли и вытащила из портфеля два свёртка, отдав мальчишкам. Те с аппетитом что-то начали жевать. Вот теперь всё! Вражда забыта, желудок победил!

Я понимаю пацанов, сам к еде очень даже неравнодушен. Да что там скромничать! Любил её нежно и страстно, в любое время дня и ночи готов уделять ей пристальное внимание.

Мне порой кажется, что когда родители в первый раз меня привели в детский сад, то на вопрос воспитателя: «Можно ли его бить, чтобы заставить есть?» — дали своё убедительное согласие, подкрепив его подзатыльником.

Как результат, в меня вбили любовь к всевозможным кашам, супам и котлетам. О чём я, кстати, ни капельки не жалею.

Не переставая жевать, мальчишки покинули поле боя и потопали в сторону школы, активно размахивая портфелями. Я с досадой вздохнул: почему-то всегда всё хорошее заканчивается быстро! Обидно. А до конца урока ещё...

Додумать грустную мысль не успел, так как получил в бочину от сидевшего со мной за одной партой приятеля и чуть не свалился со стула.

Возмущаться не стал, поскольку услышал насмешливый голос исторички:

— Ну, Андрей, а что ты думаешь по этому поводу?

Я вообще ни о чём не думал, я даже не слышал, о чём речь-то шла. Поэтому, покосившись на начавшего сосредоточенно рыться в учебнике друга, поднялся, привычно прислушался к его шёпоту и приготовился излагать следом за ним мудрость учебника истории.

Наш с Санькой совместный и осознанный жизненный путь начался ещё в детском саду, откуда мы и попали в один класс, что неудивительно. Так было принято: группа из детского сада в полном составе образовывала первый класс. И вот уже десятый год мы тянем лямку за одной партой. Срок вполне солидный, что позволило нам поднатореть в таком хитром деле, как подсказывание.

Ну что же, поехали! Я коротко выдохнул и, состроив серьёзную физиономию, начал слово в слово повторять за приятелем, полагаясь на его профессионализм.

Класс хохотал! Дружно, с удовольствием, растягивая это приятное действие как можно дольше, исходя из золотого правила: чем бы ты на уроке ни занимался, время продолжает идти в твою пользу.

— Я тебе это припомню! — прошипел я и потихоньку, чтобы не увидела Катя (наша «класска», она же учитель истории), показал приятелю кулак.

Он по-хамски подставил меня, подсказав неправильно. Вернее, поначалу подсказывал-то правильно, но в конце добавил свои мысли о революционной ситуации, которые я, не задумываясь, озвучил на весь класс.

— Оригинально! — улыбнулась Катя и, посмотрев на меня поверх очков, спросила: — Ты это что, сам придумал? Идея разума не лишена, но, насколько я помню, в учебнике этого нет.

— Сам, — пробормотал я и покосился на приятеля, бившегося в истерике от смеха.

— Садись, Андрей! — махнула мне учительница и, повысив голос, потребовала тишины в классе.

Ещё бы это не было оригинальным! Если мятежные революционные души захватывали бы не оружейные арсеналы, узлы связи и другие стратегические объекты, а ликёро-водочные заводы, трактиры, кабаки и прочие питейные заведения, то я сомневаюсь, что у них что-то путное бы получилось. Уже к вечеру жёсткие революционеры стали бы мягкими и пушистыми обаяшками, любящими не только буржуазный мир, но и царя-батюшку в придачу!

Я сел и, пообещав обрушить на голову приятеля кару небесную, начал собирать папку, благо что звонок прозвучал.

— Ты вообще, что ли, рехнулся?! — набросился я на него, когда Катя вышла из класса. — На фига так подставляешь-то?

— Да ладно ты!.. Успокойся!.. — хихикнул Санька. — Ничего ведь страшного не случилось, пятак она тебе всё равно поставила, да и время классно провели.

Это правда. Несмотря на явный прокол, «отлично» я заработал, что, в общем-то, меня не удивило. Мы были у Кати любимчиками. А как же, у меня рост под сто девяносто, Саня чуть пониже, но всё равно та ещё верста. Благодаря этому мы играли за школьную команду в волейбол и ручной мяч и ещё ни разу не проиграли на регулярных районных соревнованиях среди школ. Но особо примечательна наша художественная самодеятельность: мы выступали в составе

школьного ВИА на творческих конкурсах, чем зарабатывали не только славу школе, но и себе популярность у девчонок.

— Ладно, пошли в буфет, — проворчал я и подтолкнул приятеля к выходу из класса, — пирожками грех свой замаливать будешь! Я, знаешь ли, люблю повеселиться, особенно пожрать.

— Чё после уроков делать будем? — спросил я и, откусив сразу полпирожка, энергично зажевал, поглядывая из окна на улицу, где по школьному двору неторопливо шла молодая девушка.

— О! Маринка идёт! — обрадовался Санька и, открыв окно, несмотря на категорический приказ завуча этого не делать, заорал во всё горло: — Привет, Марин! Как жизнь?!

Девушка в ответ кричать не стала. Заметив нас, помахала в ответ ладошкой и, улыбнувшись, продолжила неспешную прогулку.

— Классная девчонка! — сказал Санька, закрывая окно. — Даже жалко, что школу уже окончила.

— Это точно, — поддакнул я и, вздохнув, добавил: — Классная!.. И в волейбол шикарно играла..

К слову сказать, она не только в волейбол хорошо играла, но и стала первой девушкой, с которой я поцеловался! Вернее, я целоваться тогда не умел, не довелось к тому времени. Она и научила.

Я только-только перешёл в девятый класс, когда мы встретились возле Дома культуры, куда я в первый раз пришёл на танцы. За лето я вырос на добрый десяток сантиметров, был высокий, нескладный, но поглядывал на всех свысока — в прямом смысле этого слова. Маринка школу окончила в прошлом году.

В танцевальном зале было душно, и я вышел на улицу отдышаться после энергичных телодвижений.

— Андрей, иди сюда! — вдруг услышал я знакомый голос и увидел, как на аллейке, прилегающей к входу в Дом культуры, стоит Маринка и машет мне рукой.

— Привет, Марин! Ты чего одна? — удивлённо спросил я и осмотрелся. — А где твой...

— Да ну его! Поругались... — перебила девушка и, задумчиво осмотрев меня с ног до головы, спросила: — По-друга есть?

— Не-е-ет!.. — удивлённо протянул я и поспешно добавил: — За мной тут бегают некоторые...

— А-а-а-а... Ну-ну!.. Бегают за ним!.. — улыбнулась Маринка и, подойдя почти вплотную, вдруг попросила: — Ты... можешь меня поцеловать?

— В смысле — поцеловать?.. Как это — поцеловать?.. За-зачем целовать... тебя?.. Это что?..

— Ничего. Просто поцелуй, — сказала Маринка и, подняв голову, заглянула мне в глаза.

Она была очень даже ничего! Хорошенькая. Мне она нравилась, хоть и была старше на два года, что по нашим меркам много.

— Ну? Чего же ты ждёшь? Боишься, что ли?

Пацана на слабó легко купить.

Вот и я судорожно втянул воздух, как перед прыжком в воду, и, нагнувшись к лицу девушки, прижался к её губам своими, чувствуя, как вспыхнула моя физиономия. Я понял, что надо как-то иначе, по-другому надо бы!.. Но по-другому я не умел...

— Подожди! — улыбнулась Маринка и, отстранившись, сказала: — Это делается не так!..

Она взяла в ладони моё лицо и, приподнявшись на цыпочки, сама прижалась к моим губам.

«Господи!.. Это ведь так просто! Как я сам-то не додумался, что надо делать именно так?! А как приятно-то!..»

Теперь я знал, как это всё происходит, и впился в губы девушки, прижавшись к ней всем телом.

— Тихо, тихо!.. Не торопись!.. Разогнался... — вывернулась из моих рук Маринка и, отойдя на пару шагов, улыбнулась, добавив: — Не надо так усердствовать! Губы могут опухнуть! И тогда девочке станет неловко оттого, что по её губам могут заметить, чем она занималась. А сейчас

сядь вон на лавочку, посиди и успокойся. Поверь, тебе это надо... — и она, послав воздушный поцелуй, пошла в танцевальный зал.

Я вдохнул полной грудью прохладный воздух и сел на одну из скамеек, расставленных вдоль аллеи. Прошло уже минут пять, а я всё сидел и, улыбаясь как дурачок, вспоминал Маринкины губы. Улыбался, пока не понял, почему она предложила сесть на скамейку и успокоиться.

«Ё-моё!.. Обалдеть!.. Точно же!.. Она же стояла ко мне вплотную, прижималась всем телом. А значит, не могла не почувствовать, как у меня!.. как я!.. Она почувствовала!.. Всё поняла! Поэтому и сказала, чтобы я сел и успокоился. Вот чёрт! Стыдно-то как, а! Как же я ей в глаза-то смотреть буду?!»

Воровато оглядевшись, я встал и потёр ладонями лицо, словно пытаюсь стереть с него краску. Постоял немного, а потом, опять вспомнив губы и упругое тело девушки, сел. Стоять, а тем более ходить в таком состоянии было неудобно. В этот день я больше не танцевал.

Через пару дней встретил Маринку в парке. Она как ни в чём не бывало шла под ручку со своим парнем.

Я долго не мог забыть первый поцелуй. Через пару месяцев не выдержал и, несмотря на неловкость, всё же спросил у Маринки, зачем она тогда меня поцеловала. И нет ли у неё желания повторить?

Маринка, помню, засмеялась и сказала, что я хороший парень и нравлюсь ей, но целовалась она со мной назло своему парню, с которым тогда рассорилась. Честно говоря, я ей не поверил. Целоваться назло — это, по-моему, глупость какая-то!

— Так чем займёмся после уроков-то? — опять спросил я у Саньки, когда Маринка скрылась за углом школы.

— К Любке пойдём. Сегодня день свободный — ни тренировок, ни репетиции. Делать всё равно нечего! Кстати! — вдруг спохватился приятель. — Угадай с трёх раз: кто у неё в гостях будет?

— А чего тут гадать-то? — хмыкнул я, — Ольга к ней придёт...

— Точно, придёт, — не удивившись моей сообразительности, подтвердил приятель и опять спросил: — А знаешь, кем Ольга недавно интересовалась?

— Сань! Не нервируй ты меня глупыми вопросами! — возмутился я. — Всё-таки я с ней уже целый месяц встречаюсь! Как, по-твоему, про кого она могла ещё спрашивать? Про завхоза дядю Колю?

— Да ну тебя! — отмахнулся приятель. — Скучный ты человек, мог бы и удивиться ради приличия, порадоваться такому событию, другу, понимаешь ли, подыграть, доставить ему радость.

— Во сколько? — не дал я ему растечься дурными мыслями.

— Как обычно, в шесть, — пожал Санька плечами и, встав с подоконника, добавил: — Приходи сначала ко мне, вместе к девчонкам рванём.

Любкина мама работала учительницей младших классов в нашей школе. Она здраво рассудила, что лучше подрастающие детки будут под её присмотром, чем начнут болтаться где-то, и разрешила нам пользоваться не только придомовой территорией, но и самим домом. Наша банда с радостью согласилась и, как говорится, с молодых ногтей начала обживать предложенную территорию. Со временем мы разобрались в коварстве Любкиной мамы, но оставили всё по-прежнему, собираясь в насиженном месте. Привычка, знаете ли, сильная штука.

Саня дружил с Любкой. Любка и Ольга тоже учились в одном классе в нашей школе. Нам повезло, далеко к девчонкам бегать не надо, да и жили они рядом. А то был уже опыт сайгака.

Познакомился как-то возле кинотеатра с одной... Неделю провожал её домой за пять километров. Посёлок большой, а она, как назло, жила на самом краю. Пять туда, пять обратно — десятка получается! Сомнительное удовольствие. И когда мы из-за какого-то пустяка поругались,

я откровенно порадовался этому вроде бы грустному событию.

Девчонки были уже на месте. Сидели на лавочке, которая удобно пристроилась рядом с палисадником возле Любкиного дома, и увлечённо разговаривали с Райкой, нашей общей знакомой. Я чертыхнулся и, затаив Саньку за угол дома, чтобы нас не заметили, пробормотал:

— Вот чёрт! Она-то что тут делает?

— Что, — ехидно осведомился приятель, — со своей бывшей подружкой встречаться не хочешь? Чего это вдруг?

— Заткнись! — рыкнул я и под прикрытием разросшейся в палисаднике черёмухи трусливо перебрался на соседнюю улицу.

Санька пошёл к девчонкам, пообещав, что как только Райка смотается, он даст мне знать.

Райка училась в другой школе, и мне она не нравилась. Вроде бы обычная девчонка, невысокая, плотно сбитая, про таких говорят — широкая кость. Но дело даже не в этом. Из-за опущенных уголков губ она казалась всё время недовольной. И ещё голос, нудный и плаксивый. Но, услышав от пацанов, что она якобы даёт всем подряд, я попросил нас познакомить. Надо же попробовать, в конце концов, что это такое!.. Эти балбесы заверили, что вариант стопроцентный и они с ней не по одному разу кувыркались.

Представили нас друг другу на танцах, и я весь вечер не отходил от неё ни на шаг, а когда понял, что она не против прогуляться по парку, обрадовался. Дурак!

Сначала всё было как обычно, мы сидели на лавочке в парке и целовались; к слову, целуется она неплохо, чего я не ожидал. Набравшись смелости, я положил ей руку на грудь и погладил. Возражений не последовало, и тогда, решившись, я расстегнул несколько пуговиц на кофточке и запустил под неё руку.

Но не тут-то было. Возникло ещё препятствие. Лифчик. Я не умел его снимать, поэтому просто зацепил пальцами и

сдвинул к шее. Продолжая целоваться, провёл пальцами по груди девушки и вдруг почувствовал, как она затряслась, а потом фыркнула мне в рот. Я резко отстранился и удивлённо посмотрел на неё. Она смеялась. И не просто смеялась, а хихикала, как будто застукала меня за непотребством. Стало обидно.

— Ты чего? — удивился я и осмотрелся.

Не просто же так она смеётся в такой момент. Может, знает, что за нами подсматривают? Мы с пацанами в грязнопузом детстве частенько за парочками подглядывали.

— Ничего, — снова прыснула Райка, — просто щекотно!

Несколько секунд я ошарашенно пялился на неё, но потом решил, что ничего страшного, так тоже, наверное, бывает, вновь прижался к её губам. Потом, засунув руку под кофточку, сжал в ладони её грудь. Она затряслась и, снова фыркнув мне в рот, засмеялась в голос, не пытаясь сдержаться.

Сказать, что я был взбешён, — значит, ничего не сказать! Я смотрел на ставшее неприятным Райкино лицо и с ужасом поймал себя на мысли, что хочу её ударить. Чтобы не доводить до греха, молча поднялся и пошёл к выходу из парка, стараясь как можно быстрее оказаться подальше от девушки.

Не знаю, что на меня нашло. Может, надо было перетерпеть и сдержаться? Тогда у нас что-нибудь и получилось бы? Пацаны же рассказывали, что тоже с ней на лавочке... Но перешагнуть через себя не мог.

Я уже не хотел быть с Райкой. После этих смешков не хотел даже прикасаться к ней, не говоря о большем. В голове засело, что она смеялась надо мной, над моей неуклюжестью, нерешительностью и незнанием, что и как делать в таких ситуациях.

Почему это произошло, понятно. Что бы ни говорили, я относился к ней как к человеку, который должен стать для меня неким открытием. Я ожидал другого. Представлял это как некое таинство, пусть и на простой скамейке, но

таинство. А она посмеялась. Может и не надо мной, скорее всего, я что-то делал не так, и ей действительно было щекотно. Не знаю. Но тогда меня это зацепило.

И я хорош: наслушался этих идиотов, распустил слюни и полез с желаниями, не интересуясь, хочет ли она быть со мной. Она-то хочет этого? Но, несмотря ни на что, я благодарен ей. Она стала первой девушкой, к груди которой я прикоснулся.

Через пару дней я встретился с этими чёртовыми свахами и, проклиная себя за малодушие, делано-равнодушно рассказал, как развлекался с Райкой на лавочке, всем видом показывая: мол, не она первая, не она последняя, таких девах у меня пруд пруди. Я уже понял, что они насочиняли про неё, потому и слушали мою брехню, открыв рот.

Саньке рассказал правду. Всю. До мельчайших подробностей. Даже о том, как мне стало неприятно от Райкиного хихиканья. Он слушал молча, ни разу не перебил, а когда я закончил своё грустное повествование, еле сдерживаясь от хохота, спросил:

— Ну ладно, с этим всё понятно! Всё, знаешь ли, можно понять. Мне не ясно только одно! Ты на фига её щекотать начал, вместо того чтобы...

— Да это ты иди на фиг! — вызверился я. — Посмотрел бы я на тебя, когда ты щупаешь девчонку, а она вдруг начинает ржать, как конь!

— Не-не-не!.. — еле выговорил от рвущегося наружу смеха Санька. — Не как конь! Скорее уж как лошадь! К твоему сведению, если ты не заметил, она девочка.

И он, махнув на меня рукой и согнувшись в три погибели, захохотал в полную силу, время от времени вытирая глаза рукой. Ну вот что можно с друга взять? Ничего. Разве что пинка дать.

Когда Райка ушла, я пришёл сам, не дожидаясь сигнала. Потихоньку пробрался назад и подсматривал из-за палисадника, а когда она скрылась в переулке, с радостной

улыбкой вышел на дорогу, представ перед всей честной компанией.

Друг не был бы другом, если бы не захотел подгадить.

— А здесь, к твоему сведению, Раиса побывала, — как бы между делом сказал Санька и, выразительно на меня посмотрев, добавил: — И она, между прочим, о тебе спрашивала.

Я в ужасе уставился на Ольгу и, как рыба, открывал и закрывал рот, не зная, что сказать.

— Да не слушай ты его! — фыркнула Любка и треснула его по затылку. — Врёт он всё, ни про кого она не спрашивала! Она документы принесла. Её попросили в нашу школу через маму передать.

Я облегчённо вздохнул и, усевшись рядом с подругой, по-хозяйски положил ей руку на плечи.

Ольга красивая, очень красивая: большие серые глаза, маленький носик, выразительные губы. Всё это складывалось в приятную картинку, а короткая, почти мальчишеская стрижка, вопреки ожиданиям, делала старше и добавляла женственности.

Я знал её уже давно, всё-таки в одной школе учились, но внимания не обращал: подумаешь, какая-то девчонка, таких много.

Заметил её, когда малышню в пионеры принимали. Нас согнали в коридор второго этажа, где стоял бюст Ленина, и началось волнительное для будущих пионеров действо. Другими словами, перед молодым поколением выступили по очереди ветераны войны, гости из роно и другие уважаемые люди.

Наконец грянула пионерская нетленка: «Взвейтесь кострами, синие ночи! Мы — пионеры, дети рабочих...» — и я, глядя на взволнованных третьеклашек, которые гордо держали перед собой согнутую в локте руку с висящим на ней красным галстуком, улыбнулся. Вспомнилось, как октябрёнком переживал, что мои родители — врачи. Боялся, что меня не примут в пионеры, которые, согласно песне, должны быть детьми рабочих.

От детских воспоминаний меня отвлекла стоящая впереди девчонка, которая постоянно приподнималась на цыпочки, стараясь разглядеть, как повязывают галстуки будущим строителям коммунизма. Когда мне надоели её постоянные подпрыгивания, я взял стоящую возле окна скамейку и подтащил к строю учеников. Встал на неё, а потом взял за руку мельтешившую девчонку и затащил на лавку. И только тут понял, кто это! Понял и обалдел! Это Ольга! Но уже не та Ольга, которую я знал и видел почти каждый день, а другая, красивая и незнакомая. Я молча смотрел на неё, с досадой осознавая, что не могу подобрать подходящих слов. Ольга же, мило улыбнувшись, негромко сказала:

— Спасибо!.. Там моего брата в пионеры принимают, а я в классе задержалась и ничего из-за спин уже не вижу.

Я в ответ и сказать ничего не мог, только тупо кивал головой, не в силах отвести взгляда от её лица.

Два дня ходил как пришибленный, недоумевая: как я до этого её не замечал?! Где были мои глаза? На третий день понял, что больше так не могу, встретил её после уроков и, ни слова не говоря, пошёл рядом, предварительно шуганув какого-то парня, который увивался возле неё. Она была не против.

— Чего это ты вдруг? — удивился Санька, когда я рассказал, что встречаюсь с Ольгой. — Раньше-то чем думал? Мог сказать, давно бы вас свели, она как-никак Любкина подруга.

Я только развёл руками. Как это объяснить? Мне и самому-то непонятно, почему я вдруг со страшной силой упёрся в неё! Как будто обухом по головшке приложили. Бац — и готов!

С Ольгой всё было иначе. Если к другим девчонкам я лез целоваться на первой встрече, не расстраиваясь при отказе в этом приятном процессе, то Ольгу за руку осмелился взять только дня через четыре — и то воспользовавшись тем, что она захотела пройти по бревну, лежащему вдоль тротуара. Я подал руку, чтобы ей легче было удерживать

равновесие. Когда бревно закончилось, её ладошку из руки я уже не выпустил.

Наш первый поцелуй с Ольгой не совсем получился. Поначалу она отворачивалась, не давая себя поцеловать, а потом, когда решила и подставила губы, я понял, что она целоваться не умела! Совсем не умела, как и я когда-то. Но когда её губы неумело шевельнулись в ответ на моё прикосновение к ним, мне это так понравилось, что аж дыхание перехватило от нахлынувшей нежности. Её мягкие губы, закрытые глаза, тёплое дыхание — всё это стало откровением, моим личным откровением. Ни с одной девочкой такого не было! Стоит ли говорить, что мне понравилось быть наставником в этом нехитром деле? Думаю, что нет!

В моей недолгой жизни было множество счастливых моментов, начиная с первой поездки в детском саду на большой педальной машине и заканчивая мотоциклом «Минск», который достался мне в наследство от старшего брата.

Но это всё было не то! Моё счастье, настоящее счастье — вот оно, спрятало пальчики в моей ладони и сидит на скамейке рядом, смущённо улыбаясь. Вы знаете, что такое счастье с привкусом гордости? Я знаю!

Это когда ты, одетый в расклешённые брюки из модной «восточки», приталенную рубашку в крупный цветок и с большим отложным воротником, идёшь по центральной улице. Идёшь не один! Рядом ОНА, и ты, приобняв подружку за талию, чувствуешь, как взрослость выплёскивается из тебя во все стороны. Изо всех сил стараешься выглядеть спокойным и расслабленным, но получается плохо, потому что физиономия сама собой расплывается в глупой улыбке. Тебе кажется, что все смотрят и обсуждают. Не тебя, нет, а её, её красоту и то, что идёт она именно с тобой.

Нас не спасло то, что мы сидели на последней парте.

— И чем же это у нас занимают два великовозрастных господина? — раздался ехидный голос математички, и

я, увидев направляющуюся к нам скорым шагом учительницу, чертыхнулся.

— Вот ведь зараза! Засекла!.. — прошипел Санька, поспешно прикрыв тетрадкой две маленькие самодельные клюшки и вырезанную из резинки шайбу.

Вместо того чтобы постигать мудрость математической науки, мы азартно играли на столешнице в хоккей.

— Ну! Так чем же вы занимаетесь? — никак не могла уняться учительница и, подойдя к нашему столу, выразительно на меня уставилась.

— В хоккее играли, — честно ответил я, поднимаясь, — и, между прочим, я мог бы выиграть, но вы помешали моему триумфу!

В классе послышались смешки. У математички лицо пошло красными пятнами, но она сдержалась и срывающимся голосом спросила:

— В смысле — в хоккее?! В какой ещё хоккее?

— А вот в этот, — влез приятель и, отложив в сторонку тетрадь, взял клюшку и показал, как бить по шайбе. — А можно ещё вот так, — добавил он и, высунув от усердия язык, снова взмахнул клюшкой.

— Оба вон из класса!.. — проскрипела математичка и указала рукой на дверь.

— Как скажете, — развёл я руками, — мы правда этого не хотели, — и, обойдя учителя сторонкой, направился к двери, но, уже взявшись за дверную ручку, добавил: — Не хотели, чтобы вы нас выгоняли. Доиграть-то мы не успели...

— Так, давай-ка это сюда! — услышал я за спиной требовательный голос математички и, обернувшись, увидел, как приятель прячет наш спортивный инвентарь в карман.

— К сожалению, не могу, — уставился он преданными глазами на учительницу, — это не моё!

— Вот как? А чьё же это?

— А вон его, — кивнул он головой в мою сторону и, тоже стороной обойдя математичку, быстро пошёл на выход из класса.

— Сань, а ты-то чего за мной подался? Тебя-то кто просил клюшкой у неё перед носом размахивать? — спросил я, когда мы, празднуя изгнание, сидели в столовой и ели свежеиспечённые булочки.

— Как это чего? — удивился он. — Ты будешь сидеть и хомячить пирожки в одну пасть, а я, значит, сяду там и слушаю её противный голос?..

— Ну да! — засмеялся я. — Это аргумент железобетонный! Преимущество пирожных в этом случае неоспоримо!..

В отличие от Кати, математичка меня недолюбливала. Всё дело в том, что одевался я не так, как все. Вместо тёмно-синей школьной формы с нашитым на рукаве изображением стилизованной книги я надевал в школу светлый, расцвеченный мелкой коричнево-зелёной клеткой пиджак. Его дополняли рубашка в коричневую полоску, того же цвета галстук и длинные волосы до плеч. Смесь получалась убойная! Я себе жутко нравился, и не только себе! Уж в чём в чём, а в этом я был уверен! Санька, кстати, тоже одевался не в форму, но, в отличие от меня, у него не было старшего брата, передающего по наследству модные вещи. Друг ходил в простом тёмно-сером костюме.

Я хоть и расплевался с математикой ещё в младших классах, но были ребята, которые не знали её вообще. Однако к ним математичка относилась лояльно. Меня же постоянно поднимала и с необъяснимым удовольствием тыкала в нос моими невеликими познаниями, даже если я отвечал правильно.

В конце концов мне это надоело, и когда математичка пыталась заставить меня отвечать, я говорил, что не знаю. Она успокаивалась и, поставив мне двойку, продолжала урок. Но иногда на неё «накатывало»: вызвав меня к доске, она предлагала записать условие какой-нибудь задачи, а потом с маниакальным упорством заставляла её решать. Принуждения она сопровождала язвительными комментариями, на которые я, впрочем, не реагировал, как бы она ни старалась. Стоял, смотрел на неё, моргал и, повторив пару

раз, что не знаю способа решения, умолкал, пока не получал разрешения вернуться на место.

К слову сказать, лёгкий кураж со стороны недорослей вроде нас допускался и не нёс катастрофических последствий — всё-таки в демократической стране живём. Максимум, что за это полагалось, — громогласное выдворение из класса. Не более того! Но эта мера наказания давно перестала нас пугать.

По-другому никак, с малых лет нам внушали, что прекратиться со взрослыми, тем более с учителями, нельзя, а уж перечить им — запредельное кощунство. Нам вбивали в голову, что учителя, как бы мы к ним ни относились, умнее. Учитель передаёт знания, поэтому прав в любом случае, нравится нам это или нет. Я согласен с тем, что преподаватели умнее меня, против этого не попрёшь! Будь математичка дурнее или наравне со мной, то сама бы резалась в хоккей на задней парте! На победителя, конечно. Но вот с тем, что учитель всегда прав, я бы поспорил при возможности.

Взять ту же форму! Когда я первого сентября заявился в своём наряде в девятый класс, администрация школы мужественно вытерпела до конца линейки, а потом завуч объявила, что в таком виде меня больше в школу не пустят. Нет так нет, я человек покладистый и исполнительный. На следующий день пришёл в спортивной форме. И начались разборки! Визг стоял до тех пор, пока в школу не пришла мама и не предложила директору найти школьную форму на рост сто девяносто сантиметров. Это пиджачное дело дошло до ушей первого секретаря райкома партии. Который, по слухам, безапелляционно заявил, что если нет возможности обеспечить детей формой, то пускай хотя бы не мешают ходить в том, что есть. Сане повезло, у него родственники жили в Прибалтике, где можно было купить костюмы любой расцветки и на любой рост.

— Ладно, хорош жрать! — довольно проговорил Саня и, слизнув с пальцев повидло, поднялся из-за стола.

— В инструменталку подадимся? — спросил я и тоже встал.

— В неё, родимую, а куда же ещё? Если мы здесь задержимся, детишкам жрать нечего будет!.. — хмыкнул приятель и потопал на выход из столовой.

Далеко не ушли. Как только вышли в коридор, послышался приглушённый голос директора школы.

— О-о-о-о!.. Слышишь?.. Кажись, САМ урок ведёт! — встрепенулся Санька и поднял указательный палец, призывая прислушаться.

— А то ты не знал! — делано удивился я. — Он, между прочим, историк, а кабинет истории в той стороне, куда мы направляемся.

Дверь в кабинет истории была приоткрыта, и пройти мимо, не заглянув в щёлку хотя бы глазком, было выше наших сил. Моих уж точно! К двери я успел первый. Пристроился сбоку и осторожненько заглянул в класс.

В классе стояла тишина, что меня не очень-то и удивило — директор всё-таки, особо не забалуешь! Ученики усердно что-то записывали в тетрадки, время от времени поглядывая на доску. Сам же директор стоял возле учительского стола и сосредоточенно протирал тряпочкой очки, с головой погружившись в это незатейливое занятие.

— Дай и мне глянуть... чё ты всё место занял? Меня пусти!.. Я тоже хочу посмотреть, — зашипел Санька и стал отеснять меня от двери.

Я поупирался для вида, а потом отошёл в сторонку. Ну а что? Пускай посмотрит, для друга ничего не жалко. За ним ещё должок за «ликёро-водочный завод» висит.

Санька устроился с удобствами: согнулся, упёрся в колени руками и, прищурив один глаз, уставился в щель. Не знаю, что он хотел там рассмотреть, но я, оглядевшись и не обнаружив возможных свидетелей, рывком распахнул дверь и сорвался бежать.

Когда я на ходу обернулся, Санька так и стоял, согнувшись в три погибели перед открытыми дверями класса. Я притормозил, но, увидев, что он вышел из ступора и

уже несётся ко мне, злобно ощерившись и выпучив глаза, добавил ходу. На этот раз благоразумие не подвело, посоветовав держаться от друга подальше. По крайней мере, временно.

— Да ладно ты, успокойся! — утешал я приятеля, когда он немного остыл и уже не жаждал моей крови.

— Ага!.. Успокойся!.. Он же меня видел!.. Я раскоряченный прямо перед ним торчал!

— Конечно, видел, — охотно согласился я, — он тебя не мог не увидеть с такого-то расстояния!

Но, заметив, что от ужаса у него опять глаза на лоб полезли, поспешно добавил:

— На этот счёт можешь не переживать. Сам же знаешь, что он без очков слепой, как крот.

— А если он... — попытался сделать ещё одно мазохистское предположение Санька.

— Никаких «если» быть не может! — перебил я. — Сам же сказал, что свалил до того, как он успел напялить очки. Значит, он увидел только то, что кто-то стоял в дверях, а кто именно — железно не рассмотрел.

— Ну-у-у!.. Похоже, что так, — наконец-то согласился Санька и, подозрительно уставившись на меня, добавил: — Если, конечно, кое-кто не сдаст меня потом с потрохами.

— Не переживай! — самодовольно заявил я. — Я теперь отмщён по полной программе! Твой «ликёро-водочный» с моим «директором» и рядом не стоял! Если, конечно, ты сам, как говорится, не наберёшься мужества и...

— Ну уж нет! — хохотнул Санька, видимо вспомнив, как учителя в своё время воодушевлённо призывали нас быть честными, мужественными людьми и признаться, кто разбил окно в классе. Мы же, шмыгая сопливými носами, искренне считали, что это не мужество, а чистейшей воды идиотизм.

— Так, ладно, конец урока скоро, — спохватился я, взглянув на часы, и встал из-за ударных, добавив: — Пошли девчонок встретим, что ли?

Я стоял возле окна и терпеливо ждал, физически чувствуя, как мучительно медленно тащатся оставшиеся до конца урока минуты. Наконец дурниной взревел звонок, и я, вздрогнув от неожиданности, уставился на двери класса, за которыми волной поднимался гул голосов. Достигнув апогея, звуковая волна врезалась в двери и, распахнув их настежь, вынесла в коридор довольно орущую толпу учеников.

Ольги видно не было, но я не переживал, знаю уже, что она не ломится на выход в первых рядах. Она выходит последней, неторопливо и степенно, словно несёт себя: мол, смотрите, какая я. И все смотрят. И я смотрю... Она идёт ко мне! И все об этом знают! И учителя, собравшиеся важной кучкой в коридоре, и её одноклассники, и визгливая малышня, и весь мир об этом знает. Ей не приходится проталкиваться через толпу, нет, перед ней расступаются. И мне это чертовски нравится!..

По огромной стране, всем видом демонстрируя торжество развитого социализма, лениво и сыто катился 1979 год. Он, окутав население мягкой рутинной, нашёптывал беззаботным людям о том, что всё будет хорошо. Всё и всегда будет хорошо! И мы с радостью верили ему, верили и были довольны удачно сложившейся жизнью. И мне казалось, что так будет вечно! По-другому не может быть, так как само время любило нашу жизнь.

В следующем году я оканчивал школу, но пока это меня не волновало. До этого ещё так далеко! В данный момент меня волнует только вот эта девчонка, что стоит рядом и молча смотрит в окно...